

Художник и жизнь

СОВРЕМЕННОСТЬ
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

В ПЕРВОЙ же картине, которую ставил самостоятельно как режиссер, я снял улицу моего детства. Думаю, что для всякого художника важен автобиографический момент. Другими словами, ты должен быть лично причастным к тому, о чем хочешь поведать людям. Во время съемок фильма «В одном южном городе» моя родная улица, одна из самых обычных, ничем особо не примечательных в Баку, участие в массовых сценах ее жителей стали для меня таким своеобразным «автобиографическим» камертоном. Тут нельзя было ни сфальшивить, ни сделать что-то наспех, надеясь, что сумею улучшить потом, в ходе монтажа. Я постоянно ощущал на себе взгляды моих бывших соседей, и доброжелательные, и взыскательные, и выражавшие даже сомнение: ведь они меня помнили еще мальчишкой, который, как и другие, гонял в нашем тесном дворе (тогда он казался нам огромным) или на улице шириной чуть ли не в два шага футбольный мяч. Они знали меня, как проявляющего некие способности к математике. И я действительно когда-то принимал участие в разных олимпиадах, мечтал поступить на физтех, о работе «физика-ядерщика». И вдруг — кино!..

В общем, улица принимала у меня экзамен. И я старался не ударить в грязь лицом перед своими земляками. И странно: экзамен тот рождал вдохновение.

Все мы из детства... Уже там, в детстве, закладываются в тебе черты будущего, твои жизненные пристрастия, твоя гражданская сознательность, твоя ответственность за собственную судьбу, за то, кем ты будешь, и, главное, каким ты будешь. Перечитайте еще раз трилогию М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» и вы увидите в них, как прорастают в душе Алеши Пешкова зерна, посевенные разными людьми, зерна активной доброты, страстного человеколюбия, жажды глубины постижения жизни народа, которые и проявятся потом во всем величии и мощи гуманистического таланта «буревестника» советской литературы. Поразительно, но когда я читал эти книги впервые, мне, азербайджанскому мальчику, родившемуся и жившему в иных социальных условиях, в семье, где царила атмосфера любви и уважения, жизнь Алеши Пешкова не казалась какой-то чужой, отстраненной, она словно бы касалась и лично меня. «Автобиографический момент» писателя становился и фактом моей биографии.

Вот пишет Горький о своей бабушке, о ее человечности и доброте, несмотря на сложности ее жизни, а во мне возникает свой, какой-то сложный комплекс чувств и ассоциаций. Тепло материнских рук, те первые азербайджанские сказки и сказки других наших народов, которые я услышал в детстве, и первое знакомство с великими поэтами Востока Хагани, Низами, Физули, Насими... И вспоминаю, как трагически погибла молодая женщина, а малого сына ее, сироту, взяла на воспитание моя бабушка. Но вот неожиданно вернулся с фронта муж той женщины (незадолго до своей смерти она уже потеряла всяющую надежду), перестала его

Эльдар КУЛИЕВ,
секретарь правления Союза кинематографистов
Азербайджанской ССР

ждать, родила ребенка от другого, чтобы была у нее опора и надежда, помню, как горевал солдат, а бабушка закрывала мальчонку собой и кричала ему: «Ребенок не виноват перед тобой! Это — все она, проклятая война!» Тот солдат переселил себя, увел мальчика с собой, стал воспитывать как собственного сына.

Да, детство мое — военное, и горе, и радость в нем шли вперед-назад. Помню, каким был тогда мой Баку, — суровым, требованным, мужественным, рабочим городом. Враг рвался к нему. И я горжусь, как и все бакинцы, мой земляки, что в те годы земля моя давала силу моторам танков, машин, самолетов. То был ее вклад, вклад рабочего класса, нефтяников в общее дело победы.

Военное детство — оно дало моему поколению великое и незыбливое чувство гордости за отцов и матерей наших, за старших братьев и сестер, за все наши народы, за великую Советскую Родину-матерь! Наверное, мне сразу повезло: в самом начале творческого пути я встретился с талантливым драматургом, моим сверстником Рустамом Ибрагимбековым. Его сценарий «В одном южном городе» и привлек меня своим «автобиографическим моментом», свежестью взгляда, «скрытым патриотизмом чувства». Вообще, с его именем в азербайджанском кино наметился новый поворот к более глубинному художественному исследованию и показу на экране современных социально-нравственных проблем. Ведь все его произведения — «Допрос, или Момент истины», «Прикосновение», «Своей дорогой», «Похожий на льва», «Дом на песке» — посвящены современности.

А фильм по его сценарию «Допрос» Расима Оджагова, ставший лауреатом Всесоюзного кинофестиваля, выдвинут сейчас на соискание Государственной премии СССР. Он активно вторгается в жизнь, ставит жгучие вопросы перед жизнью, вдохновляет людей на борьбу с недостатками. И в нем я вижу ту же святую ненависть ко всему, что мешает счастью людей, мешает нашему движению вперед, ту жажду неистребимой и всепобеждающей силы жизни, которой мы верны с детства.

И эти же чувства, выражаемые по-разному, в соответствии с индивидуальностью, характером и темпераментом, то открыто, публически, то более скрыто, но с неменьшей силой, я вижу в творчестве многих моих сверстников, тех, с кем мне посчастливилось учиться в Москве во ВГИКе. Это — Николай Губенко, и Эмиль Лотяну, и Болотбек Шамшиев, и Альгимантас Грикявичюс, и Отар Иоселиани... Я вижу их картины — «Подранки» Н. Губенко, экранизации Б. Шамшиева произведений Чингиза Айтматова или только что созданный трагический и поэтический фильм-памятник жертвам литовского села Пирчюпай «Факт» А. Грикявичюса — и чувствую, как сильны в них творчество гражданская мотивы, как искренни они своим «автобиографическим момен-

том», как священна в них ненависть к войне и как велика любовь к людям и человечность.

ЖИЗНЬ Родины и жизнь художника — неразрывны. Заботы и дела партии — это и наше дела и заботы. И тот высокий дух требовательности, взыскательности, ответственности за порученное дело, который пронизывал всю работу XXVI съезда КПСС, и нашел свое глубокое выражение в его документах, открывших величественные перспективы нашего общества на десятилетие вперед, несомненно отразится во всех сферах деятельности народа, в том числе — и в нашем искусстве. Все мы воюю убеждаемся в правоте слов товарища Л. И. Брежнева о новой «приливной волне» в советском искусстве, о все более углубляющихся его связях с жизнью, об активном его вмешательстве «в решение проблем, которыми живет наше общество».

Дело не только в том, что в числе лучших картин большинство связано с постижением и отображением современности. А в том, что наше кино ведет активный творческий поиск новых выразительных средств в изображении характера героя-современника, человека, государственно мыслящего, ответственно относящегося к собственной судьбе и к судьбе своего коллектива, стройки, колхоза, района и к судьбе всей страны. Но в то же время он выдвигает перед нашим киноискусством весьма сложные новые задачи, которые надо будет решать уже сейчас и в ближайшие годы. Я имею в виду определенный дефицит в проявлении крупных актерских личностей, личностей режиссера.

Впрочем, проблема личности художника в искусстве всегда стояла остро. В чем же дело, почему я эту проблему называю «новой»? Ведь и раньше личность творца решала все.

Но в современной теме все открытия происходят сложнее. Сложнее потому, что на экране или на сцене речь идет о нас и о наших современниках, которых мы видим ежедневно вокруг, которые кажутся нам привычными. Так как же сила должна быть личность художника, чтобы потрясти нас, заставить заново взглянуть на обычное, почувствовать всю его необычность. Какой же невероятной, новаторской трудности эта задача! Стоит только актеру и режиссеру где-то потрафить себе, даже чуть-чуть облегчить себе задачу, как фильм со всей его важной и архисовременной проблематикой, с интересно наченными образами героев тут же начинает терять наизнанку высоту. Разве мало мы видим таких картин на экране, которые, как реактивный самолет, делают мощный разбег, а взлета, вернее, полета так и не совершают?

На не таком уж долгом пути в кино я испытал многое. Были и удачи, и определенные неудачи. Брался за многое. Наверное, по молодости, от желания попробовать себя в разном. Брался даже за заведомо плохие сценарии — пишу об этом не в упрек сценаристам, раз уж взялся, должен, должен был

снять хороший фильм! Но даже неудавшиеся картины были для меня уроком. Говорят, отрицательный опыт тоже полезен, во всяком случае начинаешь понимать: вот этим путем иди в искусстве уже нельзя. Но режиссер должен быть постоянно в работе, в поиске; остановка, простой для него смерти подобны. Такова особенность нашей профессии — каждой своей картиной мы вновь сдаем экзамен на право быть режиссером, быть художником.

Не верю в такого режиссера, который годами в простое, брошенную мрачной тенью на студии. Иногда про него говорят: какой, мол, он взыскательный, требовательный. Не верю, что пройдут годы, и вот уж он тогда выдаст «на-года» шедевр. Талант художника не терпит бездумной расточительности, он шлифуется, гранится, как самоцвет, только в творческом бесконечности.

Знаю, что, например, у С. Бондарчука есть задуманные новые фильмы. Причем не только задуманные, но и обдуманные, зафиксированные на бумаге, в подробных планах, чуть ли не в раскадровке...

Да и по себе это знаю. Накопленный опыт уже не позволяет искать нечто неопределенное (если нечего сказать, то искать нечего, не к чему!). После фильма «Бабек» (никогда не думал, что буду снимать столь далекую историю, IX век!) возникла идея создать на экране галерею наших великих предков. Понять истоки духовной культуры сегодняшнего Азербайджана. Для меня «Бабек» был — как фильм «Александра Невского» для русского кино. Так я пришел к замыслу масштабной ленты о великом поэте XII века Низами. Не ради самой истории. Хотелось приблизить Низами к нашей современности — по духу исканий, понять, прорвавшись через «дворцовий антураж» к его сердцу, почему он близок нам сегодня. И как бы войти в творческую лабораторию поэта, а через это попытаться пробудить и в самом зрителе гражданские поэтические чувства.

Уже идет полным ходом работа над сценарием о Низами. А параллельно не оставляет меня мысль о совсем другой экранизации. Само время требует этого, время, когда художник не имеет права быть в стороне от идеологической борьбы в нынешнем мире, когда он обязан своим искусством сказать людям правду, раскрыть подлинное лицо империализма, породившего на планете такое отвратительное явление, как терроризм. Свидетельство тому и талантливая книга американских авторов — Ф. Нивела и Ч. Бейли «Семь дней в мае». Они писали ее как «политическую фантастику». Но как современно книга звучит сегодня!

Нет, право же, художник не может быть спокойным. Ведь в руках его такое мощное оружие правды, как искусство!

...Я прохожу по улице моего детства. И вижу, как гоняют мяч бронзовыми в солнечных лучах мальчишками. И свежий ветер с Каспия ласково треплет их волосы. Как же хочется, чтобы и они, и другие дети, которые будут играть на моей улице через многие годы, могли бы сказать: мы тоже из детства, мы — из солнечного детства!..